

Лень и труд: по мотивам Малевича

ДАНИЛА РАСКОВ

Доцент, руководитель, Центр исследований экономической культуры, факультет свободных искусств и наук, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ). Адрес: 190000, Санкт-Петербург, ул. Галерная, 58–60. E-mail: danila.raskov@gmail.com.

Ключевые слова: лень; труд; отчуждение; Казимир Малевич; Поль Лафарг; Джорджо Агамбен.

Лень, досуг и свободное время объединяет то, что они противоположны труду, связаны с его приостановкой, прерыванием. Статья предлагает разобраться в сложном и актуальном вопросе соотношения лени и труда, отталкиваясь от художественной провокации Казимира Малевича «Лень как действительная истина человечества» (1921). Лень переосмысливается Малевичем как благодать, смысл и эквивалент труда, как то, что не только избавляет от каторги труда, но ведет к покою и возвращает к Богу. Автор предлагает прочитать и сопоставить апологику лени Малевича с идеями раннего Карла Маркса с его акцентом на проблеме свободы человека и снятии отчуждения в новом обществе и Поля Лафарга, который рекомендовал рабочим бороться не за право на труд, а за право на лень. Сопоставление с Марксом и Лафаргом помо-

гает обнаружить принципиальный недостаток новой социалистической системы трудовых подвигов, которая сохраняла эксплуатацию с той разницей, что труд присваивал не капиталист, а государство.

Высказывание Малевича сближается с прозрениями Джона Мейнарда Кейнса относительно того, что наука и техника помогут решить экономическую проблему и человечество сможет вступить в век праздности и изобилия. Актуализировать современное понимание соотношения труда и лени помогают философские размышления Джорджо Агамбена. В этом контексте лень и праздность становятся необходимым элементом осмысленного труда. Способность лениться, отказываться, не делать, тянуть или приостанавливать выполнение становится *sine qua non* творческого труда, достойного свободного человека.

Досуг, лень, праздность, свободное время — различные инварианты негативного осмысления труда¹. Хотя в центр нашего интеллектуального расследования и выдвигается лень, в данном случае она выступает как нечто противостоящее труду, чья роль в устройстве общества не может не беспокоить. Труд и лень оказываются во взаимоподчиненном состоянии. Это устойчивая оппозиция добродетели и порока². Приостановка труда оборачивается свободным временем, ленью, праздностью: то есть, по сути, в центре внимания остается именно труд. Для экономиста это проблема соотношения труда и досуга, труда и свободного времени. Для художника это вопрос существа жизни и возможности творческого освобождения человека.

Социализм дистанцируется от капитализма и христианства и стремится создать свое собственное учение. В этом контексте осмысление категории труда в 1920-е годы могло бы, с одной стороны, пойти по линии пересмотра такой христианской добродетели, как трудолюбие: верно ли, что «праздность — училище злых»? Верно ли воспевать труд, а не леность? С другой стороны, возникает потребность создать новую научную картину мира, в которой на извечные вопросы о том, что и как должен делать человек, давался бы ответ с точки зрения новых, прогрессивных взглядов — прежде всего марксизма. Неожиданная смычка христианского представления о необходимости трудиться «в поте лица своего» после изгнания из рая с новой социалистической формулой «кто не работает — тот не ест», явно отсылавшей к апостолу Павлу, требовала как минимум обоснования и перепроверки. Точно ли в этом идеал будущего посткапиталистического, социалистического устройства?

Статья подготовлена при финансовой поддержке СПбГУ в рамках научно-исследовательской работы «Труд и досуг в истории, экономике и культуре».

1. Досуг как отрицание труда подчеркивает современное соотношение этих понятий, которое полностью противоположно античному, закреплённому в словообразовании латинского языка, в котором слово *negotium* («труд») представляет собой отрицание *otium* («досуга»).
2. Весьма характерно для аскетического христианства о пользе трудолюбия и пагубе лености повествует глава «О трудолюбии и лености» из сборника проповедей «Альфа и Омега» («Начаток и конец», 1788), почитаемого старообрядцами: лень — «смерть и падение души», «мать погибели».

В контексте этих вопросов я предлагаю взглянуть на текст-размышление Казимира Малевича «Лень как действительная истина человечества» (1921) с подзаголовком «Труд как средство достижения истины. Философия социалистической идеи»³. Переосмысление данной художественной провокации — центральный сюжет этой статьи. Остальные авторы будут привлекаться, дабы продемонстрировать актуальность и богатство прозрений художника.

Малевичу кажется спорным противопоставление труда и лени в социализме. Труд — путь к жизни и спасению, лень — к смерти и гибели. Сохраняя христианскую риторику порока и добродетели, божественного и мирского, Малевич выражает недоумение по поводу того, что эта максима прошлого «лень — мать пороков» еще не перевернута, — разумеется, не ради фронды, а ради приближения к истине. Революция поставила вопрос о труде — Малевич дает свой ответ, который порывает с христианской этикой или, точнее сказать, разворачивает только одну ее сторону — и в то же время оказывается созвучен радикальным взглядам марксизма на необходимость освобождения человека от отчуждения для себя самого.

Столетие спустя текст Малевича оказывается не менее значимым, поскольку, несмотря на упования начала XX века, наука и технические новшества не привели к уменьшению трудовой занятости. После Второй мировой войны продолжительность рабочей недели снизилась незначительно, а сотрудники с более высокой заработной платой стали трудиться даже больше. В развитых странах пролетариата в прежнем смысле уже нет, заводов практически не осталось. Однако искусство жить, роскошь праздности не стали достоянием общества, а «цивилизация освобожденного времени»⁴, «век праздности и изобилия»⁵ не наступили. Скорее, произошло размывание границы между досугом и трудом: в современном офисе возможны занятия спортом, отдых в гамаке, а досуг легко становится частью труда и зарабатывания, когда выставляется в качестве продукта в социальные сети.

Для дальнейшего изложения важно как раскрыть апологетику лени Малевичем, так и проинтерпретировать это высказыва-

3. Малевич К. Лень как действительная истина человечества. М.: Гилея, 1994 [1921].

4. См.: Антониоли М. Эстетическая стадия производства/потребления и «революция времени по выбору» // Логос. 2015. Т. 25. № 3. С. 134.

5. Формула Кейнса, оптимистический прогноз которого будет приведен в заключении статьи.

ние. Сам исторический момент и ситуация создания текста не могут не отсылать к марксистским дискуссиям о капитализме и его преодолении в новом обществе, которое тогда пытались построить в Советской России. В какой-то степени предшественниками Малевича в деле апологетики лени можно считать раннего Карла Маркса (концепция отчуждения труда) и Поля Лафарга (трактат «Право на лень»)⁶. В современном дискурсе высказывание Малевича сближается с критиками капитализма, поэтому актуализировать понимание соотношения труда и лени нам поможет Джордж Агамбен. Наконец, в заключении будет показано, что идеи, высказанные Малевичем, вполне согласуются с воззрениями Джона Мейнарда Кейнса на постепенную трансформацию капитализма в «общество праздности и изобилия».

Лень как истина человечества

Не случайно наряду с такими броскими темами, как «Производство как безумие» или «Бог не скинут», Малевич обращается к проблеме труда и лени. «Лень как действительная истина человечества» — это проповедь вождя УНОВИСа («Утвердителей нового искусства») в Витебске⁷. Этот пламенно и временами сбивчиво написанный набросок правильно будет рассматривать в контексте поиска смысла искусства, дискуссий Малевича с Александром Родченко и Пролеткультом. Как справедливо замечает Феликс Филипп Ингольд, оправдание праздности в супрематизме Малевича следует рассматривать в контексте «критического дистанцирования от продуктивистской художественной практики пролеткульта и утилитарного конструктивизма»⁸.

Лень — благодать, смысл труда, главный эквивалент, избавление от каторги труда. В представлении Малевича лень была не досугом, а, по словам Александры Шатских, подготовившей публикацию текста о лени в России, «покоем, нирваной, растворением

6. Речь в данном случае идет о Новом времени, о том обществе, которое уже стало понимать последствия индустриальной революции и механизации труда. Ясно, что в Античности, а в аристократической традиции — во все времена пестовались свободные занятия и праздность как высшие проявления человека. Первобытные общества также не знают принудительного труда. Праздность, игры и лень занимали гораздо более значимое место в жизни так называемых дикарей.

7. Рукопись хранится в Амстердаме.

8. Ингольд Ф. Ф. Реабилитация праздности // Малевич К. Указ. соч. С. 46.

во Вселенной, возвращением к Богу»⁹. Человек уподобляется Богу в седьмой день творения, производство обращается в самопроизводство, человек физически бездействует, но мысленная работа выходит на новый уровень в активной пассивности.

Малевич поднимает очень важный теоретический и практический вопрос (не осознавая вполне, возможно, всей его значимости) о том, что такое социализм в сравнении с капитализмом, и обнажает их радикальное сходство в практике воплощения. Ключевое в этой практике — стремление к лени, которая достигается через труд: «забота... Капитализма и Социализма одна и та же: достижение единственной истины человеческого состояния, Лени». В капитализме деньги — это «кусочки лени», а сама лень — достояние собственников капитала¹⁰. В некапиталистических системах капиталист теряет «свое блаженство в лени». Если верно, что прибавочное время рабочего присваивает капиталист, который как раз может избавиться от труда и находить «блаженство в лени», то почему труд превозносится при социализме и рабочий так же отчуждает свой труд, только не в пользу капиталиста, а в пользу государства? Гораздо логичнее выглядела бы цель

...освободить человека от труда и достигнуть того блаженства, когда все человеческие фабрики и заводы будут действовать сами по себе, это маленькое действие будет образцом той большой фабрики — вселенной, в которой все производство вырабатывается без спеца-инженера и рабочего и которая, согласно человеческому представлению, была построена Богом, который был всесильным, всезнающим¹¹.

Человек как бы должен на новом уровне вернуться к начальной фазе своего природного состояния, когда без больших усилий сможет получать все необходимое. Лень как творческая бездельность и пассивный труд призвана освободить и преобразовать жизнь человека.

Отчужденный труд, государственный капитализм и гимн лени

Малевич оказывается удивительно созвучен раннему Марксу. В частности, Маркс осознавал, что в системе государственного

9. Малевич К. Указ. соч. С. 8.

10. Там же. С. 15–16.

11. Там же. С. 20.

социализма само государство становится тем предпринимателем, который организует производство и эксплуатирует труд граждан. В этом смысле система остается тождественна капиталистической, отчуждение труда сохраняется, а рубли, по образному выражению Малевича, остаются вожделенными «кусочками лени». Логично не признавать социалистической ту систему, где в роли эксплуататора выступает государство. Малевич в заметках о лени обнаружил ахиллесову пятую нового государственного социализма, становление которого проходило в 1920-е годы.

Закон стоимости продолжал действовать через эксплуатацию большинства в интересах социалистического строительства. Переворот в конечном счете лишь укрепил государственную машину. К примеру, автор 1920-х годов Евгений Пашуканис достаточно точно определяет новую экономическую систему как «пролетарский государственный капитализм»¹². От комментатора этого текста — Антонио Негри — не ускользает, что в третьем издании той же книги автор вынужден был заменить государственный капитализм на диктатуру пролетариата¹³. Таким образом, сначала еще присутствует понимание, что решение по организации труда носит временный, переходный характер. Движение товаров, цены, сделки сохраняются, как и эксплуатация. Наряду с вопросом об организации труда и свободным временем есть вопрос о том, смогут ли государство и право преодолеть капиталистический характер. Принудительный труд никуда не исчезает.

Для раннего Маркса парижского периода «Экономико-философских рукописей 1844 года» важен момент свободы человека, в данном случае освобождение рабочего. Рабочий в старом порядке опускается до роли товара: он производит «чудесные вещи для богачей», сам же беднеет. Снятие отчуждения — ключевая проблема освобождения и поиска социальной организации нового типа общества:

...рабочий только вне труда чувствует себя самим собой, а в процессе труда он чувствует себя оторванным от самого себя. У себя он тогда, когда он не работает, а когда он работает, он уже не у себя. В силу этого труд его не добровольный, а вынужденный; это — *принудительный труд*¹⁴.

12. Пашуканис Е. Общая теория права и марксизм. М.: Издательство Коммунистической академии, 1927. С. 81.

13. Negri A. Rileggendo Pašukanis: note di discussione // Critica del diritto. 1974. № 1. P. 90–119.

14. Маркс К. Социология. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2000. С. 230.

Отчуждение в процессе производства, когда рабочий не знает, что и для чего он делает, отчуждение от коллектива, отчуждение от самого себя — все эти формы отчуждения преодолеваются не только в труде, но и в тотальном пересмотре всех институтов:

Религия, семья, государство, право, мораль, наука, искусство и т. д. суть лишь *особые* виды производства и подчиняются его всеобщему закону. Поэтому положительное упразднение *частной собственности*, как присвоение *человеческой* жизни, есть положительное упразднение всякого отчуждения, то есть возвращение человека из религии, семьи, государства и т. д. к своему *человеческому*, то есть *общественному* бытию¹⁵.

Не будет преувеличением сказать, что Малевич, как творческий человек, почувствовал нерешенность проблемы свободы человека, принудительность новой системы труда, которая в важном вопросе отчуждения мало чем отличалась от предыдущей системы. Новым становились лишь возможности по накоплению общественных фондов и их перераспределение.

В более поздних работах Маркса рисунок будущего устройства общества выглядит весьма фрагментарно. О свободном времени рабочего, которое теперь — после устранения капиталистической формы производства — можно ограничить необходимым временем, Маркс упоминает в первом томе «Капитала», добавляя, что сам необходимый труд должен расширить свои рамки «для образования общественного фонда резервов и общественного фонда накопления»¹⁶. Все в новом обществе способствует увеличению «умственной и общественной деятельности индивидуума» и сокращению рабочего времени: рост производительности труда, рациональное планирование, равномерное распределение труда среди всех членов общества. Таким образом, Маркс осознает, что свободное время начинает играть более важную роль в новом обществе, а это создает все больше условий для творчества.

Комментируя Джона Рамсея Мак-Куллоха, в более позднем тексте «Теории прибавочной стоимости» Маркс особо останавливается на фразе: «Нация действительно богата тогда, когда вместо 12 часов работают 6 часов. *Богатство есть такое время, которым можно свободно располагать, и ничего больше*». Это время свободно для удовольствий, для досуга, «в результате чего откроет-

15. Там же. С. 259.

16. *Он же*. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 30 т. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 23. С. 539.

ся простор для свободной деятельности и развития. Время — это *простор* для развития способностей и т. д.»¹⁷

В данном контексте от Маркса ускользает, что увеличение производительности и интенсивности труда лишь потенциально может сокращать рабочее время, но на практике возникает соблазн переводить то время, что превышает необходимое, в общественное, что отчасти им было намечено ранее. Кроме того, потенциальная возможность более равного распределения и более совершенного развития лишь гипотетическая. Верно и то, что Маркс осознает, — хоть и не развивает эти мысли достаточно полно, — ценность свободного времени, которое теперь может стать достоянием не только избранных, но и всех работающих.

Говоря об истоках концепции Малевича и ее марксистских коннотациях, трудно обойти вниманием известный памфлет Поля Лафарга 1883 года «Право на лень» (опровержение права на труд, 1848 год). «Любовь к труду, бешеную страсть к труду» Лафарг считает безумием. Какие аргументы привлекает он в защиту этого тезиса? Это апелляция к первобытному состоянию общества, когда человек жил в гармонии с природой и племенем и имел много времени для игр и лени.

Сравните благородного дикаря (*le noble sauvage*), которого миссионеры коммерции и коммерсанты религии еще не отравили христианством, сифилисом и учением о труде, сравните с нашими жалкими слугами машины.

Лафарг вслед за многими путешественниками и антропологами поэтизирует «легкий бронзовый отлив кожи, золотистые, вьющиеся волосы, красивое, веселое лицо» туземцев¹⁸.

Кроме счастливого периода дикости, Лафарг приводит в пример Античность, когда труд рассматривался как рабство:

Греки великой эпохи тоже относились с презрением к труду: только рабам было у них позволительно работать, а свободный гражданин занимался лишь умственной деятельностью и физическими упражнениями. <...> Философы древности учили презирать труд, это унижение свободного человека; поэты воспева-

17. Маркс К. Теории прибавочной стоимости // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Политиздат, 1964. Т. 26. Ч. III. С. 264–266.

18. Лафарг П. Право на лень / Пер. с фр. Ф. Шипулинского. СПб.: М. Малых, 1906. С. 5–6.

ли лень — это дар Богов... <...> О, Мэлибея, богами нам эта праздность дана (Вергилий)¹⁹.

Многие примеры и метафоры, которые потом использует Малевич, встречаются уже у Лафарга. В частности, оба говорят о седьмом дне сотворения мира как вечном отдыхе, приобщение к которому обожествляет человека. Правда, Малевич, в отличие от Лафарга, ведет принципиальный спор с действительностью, с другими альтернативами в понимании смысла творчества и искусства. Он не низводит разговор до практики. Лафарг же упоминает о важности ограничения рабочего времени тремя часами в день²⁰. Оба при этом надеются на роль машин и фабрик в освобождении труда.

Способность не сделать как симптом свободы

Ценную интерпретацию по вопросу соотношения труда и лени/свободного времени дает Джорджо Агамбен. Дело не столько в том, что ему хорошо известен текст Малевича, сколько в том, что его интерпретация показывает новые, а точнее, забытые старые, любопытные грани в осмыслении этого вопроса. Агамбен подчеркивает, что «наиболее адекватным символом [лени] становится белое на белом, высшая стадия, достигнутая супрематизмом в живописи»²¹. Вместе с тем он критически оценивает то, что и Малевич, и Лафарг определяли лень через противопоставление труду:

Если в античности при помощи негативной приставки определялся труд — *negotium*, противопоставлявшийся созерцательной жизни — *otium*, то наши современники, судя по всему, неспособны представить себе созерцание, бездеятельность и праздность иначе, как отдых от труда или его отрицание²².

Именно тут мы можем вернуться к освобождению человека и труда. Лень (Агамбен предпочитает термин *inoperosità*, бездеятельность) — не отдельное состояние, но необходимый элемент свободного труда, способность не трудиться в момент творения. Лень — необходимая прививка труда для того, чтобы он мог быть

19. Там же. С. 7.

20. Там же. С. 19.

21. Агамбен Дж. Костер и рассказ. М.: Grundrisse, 2015. С. 68.

22. Там же. С. 68–69.

свободным. Прислушаемся к Агамбену, развивающему положения Аристотеля:

Живущий, существующий в образе способности способен на собственную неспособность, и только в этом он обладает своей способностью²³.

Отсюда труд как творческий акт всегда содержит в себе способность не делать, в нем силен элемент случайности:

Тот, кому не хватает вкуса, не способен удержаться от чего-либо, отсутствие вкуса — это всегда неспособность не сделать²⁴.

Уход от противопоставления труда и лени у Агамбена позволяет приблизиться к разгадке природы свободы человека в том типе труда, который принято называть творчеством. Лени и отказ от труда не противостоят труду, но возвеличивают его, облагораживают его, придают ему тот элемент случайности и свободы, которого нет у механической фабрикации, производимой согласно заданному плану. Фабрика освобождает от рутины, труд, содержащий в себе леность как способность не трудиться, делает человека творцом. В этом снимаются принудительность и насильственность, а значит, и проблема отчуждения.

Отрыв человека от способности не делать Агамбен считает худшим из современных ослеплений. И в этом к нему стоит присоединиться. Форма добровольного рабства состоит как раз в неспособности не делать. Отсюда это «радостное „Проще простого!“ или безответственное „Будет сделано!“»²⁵.

Вместо заключения: век изобилия еще не настал

Вопрос свободного времени, лени, праздности остался погребен под героизмом и доблестью труда в молодой Советской России — требовалась мобилизация, соревнование больше даже не между бригадами, а, скорее, с другими государствами (очень кстати пришлась Великая депрессия). Вопросы и о лени, и о свободном труде остались нерешенными, как и обсуждаемый в это же время вопрос общности жен (избавления от проблемы наследования частной собственности, которую называли личной), во-

23. Там же. С. 52.

24. Там же. С. 55.

25. *Он же*. Нагота. М.: Grundrisse, 2014. С. 56.

прос освобождения человека от отчуждения, вопрос мирового значения революции. Свободный дух 1920-х годов напоминает нам об этом интереснейшем палимпсесте с архаичными, античными, христианскими и революционными пластами.

В 1920–1930-е годы вопрос о досуге и уменьшении рабочей недели находился также в центре внимания ряда экономистов. Так, вполне созвучен Малевичу оказывается Джон Мейнард Кейнс. В 1930 году в оптимистическом прогнозе «Экономические возможности наших внуков» он предсказывает, что через столетие экономическая проблема в развитых странах будет решена и человек в среднем будет работать 15 часов в неделю, да и то в угоду «ветхому Адаму». Для Кейнса этот вопрос имеет явно нравственный оттенок:

Впервые со дня сотворения человек столкнется с реальной, всеобщей проблемой: как использовать свою свободу от насущных экономических нужд, чем занять досуг, обеспеченный силами науки и сложного процента, чтобы прожить свою жизнь правильно, разумно и в согласии с самим собой? <...> Мы по достоинству оценим тех, кто научит нас, как прожить каждый день и час разумно и добродетельно, тех прекрасных людей, способных радоваться простым вещам, лилиям, которые не трудятся и не прядут²⁶.

Кейнс оказался прав в своей оценке неуклонного роста благосостояния, но совершенно не прав в прогнозе о соотношении труда и досуга, труда и лени. Общий вердикт экономистов в попытках объяснить, почему люди не стали работать меньше, состоит в том, что рост производительности и богатства, расширение сферы применения машин не привели и, по всей видимости, не приведут к увеличению досуга, лени и праздной жизни. Труд предпочитается досугу, поскольку с ростом его оплаты возникают дополнительные стимулы стремиться к еще большему богатству, улучшению качества жизни; сам труд становится более интересным, менее рутинным, что в какой-то степени сближает его с сознательным досугом²⁷. Кроме того, не произошло аристократического переворота в том, чтобы разносторонний досуг и искусство жить высоко ценились в обществе. Свобода остается слишком

26. Кейнс Дж. Экономические возможности наших внуков // Вопросы экономики. 2009. № 6. С. 65, 67.

27. Через 100 лет: ведущие экономисты предсказывают будущее / Под ред. И. Паласиос-Уэрты. М.: Издательство Института Гайдара, 2017. С. 108–109, 125.

большим бременем, гораздо сильнее оказывается желание профессионального и карьерного роста, стремление соответствовать все возрастающему уровню потребления.

Вопрос о лени/свободном времени заставляет переосмыслить роль труда, ретроспективно увидеть новые пути для преодоления принудительности и отчуждения в труде, разглядеть эксплуататорские нотки в пафосе доблести трудовых подвигов. Способность лениться, отказываться, не делать, тянуть или приостанавливать выполнение в данном контексте оказываются едва ли не единственной возможностью для творческого труда достойного свободного человека. При таком принципиальном условии сам труд сможет приобрести новое качество.

Библиография

- Агамбен Дж. Костер и рассказ. М.: Grundrisse, 2015.
- Агамбен Дж. Нагота. М.: Grundrisse, 2014.
- Антониоли М. Эстетическая стадия производства/потребления и «революция времени по выбору» // Логос. 2015. Т. 25. № 3. С. 120–137.
- Ингольд Ф. Ф. Реабилитация праздности // Малевич К. Леня как действительная истина человечества. М.: Гилея, 1994.
- Кейнс Дж. Экономические возможности наших внуков // Вопросы экономики. 2009. № 6. С. 60–69.
- Лафарг П. Право на лень / Пер. с фр. Ф. Шипулинского. СПб.: М. Малых, 1906.
- Малевич К. Леня как действительная истина человечества. М.: Гилея, 1994.
- Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: В 30 т. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 23.
- Маркс К. Социология. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2000.
- Маркс К. Теории прибавочной стоимости // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Политиздат, 1964. Т. 26. Ч. III.
- Пашуканис Е. Общая теория права и марксизм. М.: Издательство Коммунистической академии, 1927.
- Через 100 лет: ведущие экономисты предсказывают будущее / Под ред. И. Паласиос-Уэрты. М.: Издательство Института Гайдара, 2017.
- Negri A. Rileggendo Pašukanis: note di discussione // Critica del diritto. 1974. № 1. P. 90–119.

LAZINESS AND LABOR: VARIATIONS ON A MALEVICH THEME

DANIIL RASKOV. Associate Professor, Head, Center for the Study of Economic Culture, Smolny Faculty of Liberal Arts and Sciences, danila.raskov@gmail.com. Saint Petersburg State University (SPbU), 58–60 Galernaya str., 190000 St. Petersburg, Russia.

Keywords: laziness; idleness; alienation; Kazimir Malevich; Paul Lafargue; Giorgio Agamben.

What idleness, leisure, and free time have in common is that they are the opposite of labor; all three are linked with the cessation or interruption of labor. The article takes Kazimir Malevich's provocative essay *Laziness as the Truth of Mankind* (1921) as the starting point for an examination of the complex and fraught issue of the balance between idleness and labor. Malevich redefines idleness as grace, as the point of labor and its peer, and as something that is not only a release from hard labor but that also leads to peace and God. The author proposes a reading of Malevich's apologetics of idleness in juxtaposition with Marx's early focus on the issues of human freedom and on alleviating alienation in a newly arranged society, and with Paul Lafargue's argument that workers would do better to fight for the right to be idle than for the right to work. The comparison with Marx and Lafargue reveals a fundamental flaw in their socialist program of heroic labor, which preserved the exploitation of labor but had the state rather than the capitalists appropriate it.

Malevich's argument comes close to certain insights of John Maynard Keynes in which he envisaged science and technology resolving economic problems by enabling humanity to enter an age of idleness and plenty. Giorgio Agamben's philosophical deliberations round out the contemporary understanding of the relationship between labor and idleness. From this point of view, laziness and idleness become essential elements of meaningful labor. The option to remain idle, to reject work, to prolong it or to delay its completion are becoming the *sine qua non* of creative labor worthy of a free person.

DOI: 10.22394/0869-5377-2019-1-259-270

References

- Agamben G. *Koster i rasskaz* [Il fuoco e il racconto], Moscow, Grundrisse, 2015.
- Agamben G. *Nagota* [Nudità], Moscow, Grundrisse, 2014.
- Antonioni M. Esteticheskaiia stadiia proizvodstva/potrebleniia i "revoliutsiia vremeni po vyboru" [The Aesthetic Stage of Production/Consumption and the Revolution of a Chosen Temporality]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2015, vol. 25, no. 3, pp. 120–137.
- Cherez 100 let: vedushchie ekonomisty predskazyvaiut budushchee* [After 100 years: Lead Economists Foretell the Future] (ed. I. Palacios-Huerta), Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 2017.
- Ingol'd F. F. Reabilitatsiia prazdnosti [Rehabilitation of Idleness]. In: Malevich K. *Len' kak deistvitel'naia istina chelovechestva* [Laziness as the Truth of Mankind], Moscow, Gileia, 1994.
- Keynes J. Ekonomicheskie vozmozhnosti nashikh vnukov [Economic Possibilities for our Grandchildren]. *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economy], 2009, no. 6, pp. 60–69.

- Lafargue P. *Pravo na lenost'* [Le Droit à la paresse], Saint Petersburg, M. Malykh, 1906.
- Malevich K. *Len' kak deistvitel'naia istina chelovechestva* [Laziness as the Truth of Mankind], Moscow, Gileia, 1994.
- Marx K. Kapital. T. 1 [Das Kapital. Bd. 1]. In: Marks K., Engel's F. *Soch.: V 30 t. 2-e izd.* [Works: In 30 vols. 2nd ed.], Moscow, Gospolitizdat, 1960, vol. 23.
- Marx K. *Sotsiologiya* [Sociology], Moscow, Kanon-Press-Ts; Kuchkovo pole, 2000.
- Marx K. *Teorii pribavochnoi stoimosti* [Theorien über den Mehrwert]. In: Marx K., Engels F. *Soch.: V 30 t. 2-e izd.* [Works: In 30 vols. 2nd ed.], Moscow, Politizdat, 1964. T. 26. Ch. III.
- Negri A. Rileggendo Pašukanis: note di discussione. *Critica del diritto*, 1974, no. 1, pp. 90–119.
- Pashukanis E. *Obshchaia teoriia prava i marksizm* [General Theory of Law and Marxism], Moscow, Izdatel'stvo Kommunisticheskoi akademii, 1927.